

Сельская местность на удаленных подступах к Москве¹

Т.Г. НЕФЕДОВА, доктор географических наук, Институт географии РАН,
Москва. E-mail: trene12@igras.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние Московской агломерации на сельскую местность окружающих ее регионов Центрального федерального округа по разным параметрам, связанным с пространственными различиями в изменении численности населения, его занятости и мобильности, хозяйственной деятельности, землепользовании и вторичном (дачном) освоении территорий. Анализируются характер сельского расселения вокруг Московской агломерации и его изменение в связи с продолжающейся урбанизацией. Показана инвариантность пригородно-периферийной организации этой территории. Постсоветская трансформация сельского хозяйства в России привела не только к сжатию землепользования вокруг Московской агломерации, но и к «точечному» развитию на ней индустриального сельского хозяйства с малым числом занятых, нацеленного на снабжение Москвы и крупных городов. При этом мелкое частное хозяйство с истощением трудового потенциала, с одной стороны, и возможностями заработков вне сельского хозяйства, с другой, свертывается. Адаптацией местного населения к безработице в сельской местности стали трудовые возвратные миграции в Московскую агломерацию, которые пока удерживают население в деревнях. При этом летом окружающие Московскую область территории заполняют городские, в том числе московские, дачники, численность которых во многих районах превышает число сельских жителей. Сочетание точечной индустриальной сельской экономики с массовым развитием сезонной дачной рекреации на данном этапе является магистральным путем развития сельской местности на этой большой территории.

Ключевые слова: Московская агломерация; сельское расселение; сельское хозяйство; землепользование; пригороды; периферия; занятость; трудовые миграции; дачи

Введение

Россия – страна с высокой степенью централизации государственной власти и повышенной концентрацией финансов, бизнеса и человеческого капитала в крупнейших городах. При редкой сети крупных центров в России это приводит к сильной поляризации социально-экономического пространства. Сами города оказывают заметное влияние на окружающую их территорию. Недаром

¹ Работа проводилась в рамках проекта Российского научного фонда № 19–17–00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России».

проблемы пригородов и агломерационных зон больших городов, особенно в постсоветских странах, все больше привлекают внимание исследователей [Браде и др., 2013; Григоричев, 2013; Иоффе, Нефедова, 2001; Что мы..., 2017; Confronting Suburbanization, 2014]. В пригороды вкладываются инвестиции, есть рабочие места, они лучше транспортно и инфраструктурно обустроены, тесно связаны с городами, куда жители пригородов ездят работать. Поэтому ближайшие пригороды привлекают население, как правило, молодое и активное из глубинных районов, значительно сильнее, чем из самого города [Мкртчян, 2019]. Такая социально-экономическая поляризация пространства способствует пролонгированию процессов урбанизации в России в сочетании с пригородной субурбанизацией.

Крупнейшие центры оказывают влияние на гораздо большую территорию, чем ближайшие пригороды, формируя мегалополисы с очень сложной структурой [Махрова и др., 2016]. Их вряд ли можно рассматривать как некие стабильные расселенческие и социально-экономические образования, поскольку потоки и направления движения населения и товаров в них меняются в разные сезоны года, дни недели и даже часы [Трейвиш, 2018]. При этом характер воздействия крупного города на окружающую территорию может меняться в зависимости от его размера и удаленности от него. Как правило, крупные агломерации, вытягивая человеческие ресурсы из окружающих поселений, способствуют их экономической стагнации. Это стимулирует дальнейший отток населения, усиливая процессы периферизации территории даже на небольшом расстоянии от центра.

Проанализируем влияние Московской агломерации на сельскую местность окружающих ее регионов Центрального федерального округа по параметрам, связанным с расселением, хозяйственной деятельностью, занятостью и мобильностью населения, землепользованием и вторичным освоением территорий городскими дачниками. Рассматривались сельские районы Нечерноземья от Брянской, Смоленской и Тверской областей до Рязанской, Ивановской и Костромской, удаленные от Москвы на 150–600 км. Включение Брянской, Ивановской и Костромской областей, не граничащих непосредственно с Московской областью, объясняется не только их принадлежностью к ЦФО, но и тем, что они, несмотря на относительную удаленность от столицы, попадают тем не менее в зону ее сильного влияния.

Сама Московская агломерация для удобства пользования статистикой условно рассматривается в границах Москвы и Московской области, хотя и не совпадает с ней полностью [Махрова и др., 2016]. Таблица 1 показывает, насколько сельская местность регионов, окружающих Московскую область, ей проигрывает по всем параметрам, включая нетипичное для пригородов такого уровня сельское хозяйство. И это несмотря на наличие в этих регионах значительных площадей сельхозугодий, часть которых заброшена. Исключение составляет лишь Брянская область, где находится крупнейший в России производитель мяса – холдинг «Мираторг».

Таблица 1. Некоторые показатели областей ЦФО в 2017 г. по отношению к соответствующим показателям Московской области, принятым за 1

Область	Сельское население	Сельскохозяйственные угодья	Производство мяса	Производство молока	Продукция растениеводства
Брянская	0,3	1,1	1,3	0,4	0,6
Владимирская	0,2	0,6	0,2	0,6	0,2
Ивановская	0,1	0,5	0,1	0,2	0,1
Калужская	0,2	0,8	0,3	0,4	0,3
Костромская	0,1	0,6	0,1	0,2	0,1
Орловская	0,2	1,2	0,4	0,3	0,8
Рязанская	0,2	1,5	0,2	0,6	0,6
Смоленская	0,2	1,2	0,3	0,3	0,2
Тверская	0,2	1,4	0,6	0,3	0,1
Тульская	0,3	1,2	0,4	0,2	0,7
Ярославская	0,2	0,7	0,3	0,5	0,2

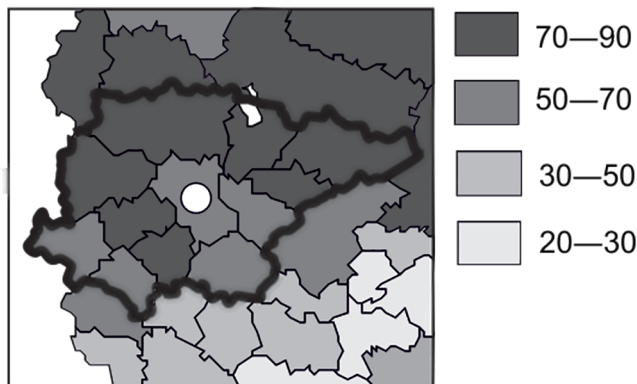
Источник. Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат. 2018.

Основными источниками информации послужили данные Росстата, Всероссийских переписей населения и сельскохозяйственной переписи 2016 г., а также муниципальная статистика и обследование автором многих из рассматриваемых областей [Потенциал., 2014].

Изменение расселения вокруг Московской агломерации

Сельское расселение в Нечерноземье за пределами Московской области характеризуется сравнительно малой долей и редким размещением крупных населенных пунктов (более 1000 человек)

и повышенной долей малых деревень с населением менее 50 человек (рис. 1). Именно здесь, особенно к северу от Московской области, находится и наибольшее число исчезающих деревень (с менее чем 10 жителями и без постоянного населения). Велика их доля в Ярославской (67%), Костромской (66%), в Тверской (62%) областях, в Ивановской, Смоленской, Калужской – их более половины (51–58%).

Источник: [Всероссийская перепись населения, 2010].

Рис. 1. Доля населенных пунктов с населением менее 50 чел. в регионах, %

Мелкоселенность в этих регионах была задана спецификой освоения лесных территорий и мелкоконтурностью угодий [Алексеев, Сафронов, 2015]. В сочетании с характером освоения территории славянами вдоль рек с последующим использованием водоразделов это сформировало специфический каркас расселения. С течением времени население консолидировалось в более крупных населенных пунктах, малодворки исчезали, но общий рисунок сохранялся [Город., 2001. С. 279–282].

В XX веке на изменение сельского расселения повлияло множество других факторов, имеющих выраженные пространственные различия: соотношение естественного движения и миграций; рост городов и степень удаленности от них; инфраструктурная обустроенность территории; институциональные и административные изменения; трансформация и состояние сельской экономики. Особую роль сыграло расширение возвратной пространственной

мобильности граждан, которая сделала всю систему расселения в центре России непостоянной, пульсирующей.

Демографический переход в XX веке привел к изменению естественного прироста населения. Вместе с его миграциями в города, а также на восточные и северные территории страны, это привело к сильному снижению числа жителей в прежде перенаселенных центральных районах вокруг Московской области (рис. 2 и 3).

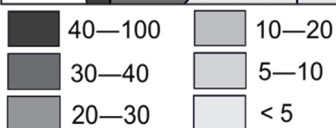

Рис. 2. Плотность сельского населения в европейской части России в 1897 г., чел./км²

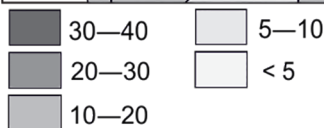

Рис. 3. Плотность сельского населения в европейской части России в 2017 г., чел./км²

Плотность сельского населения и его динамика во многом зависят от расстояния до города и его размера. Любой город (особенно центры муниципальных районов) с числом жителей свыше 50 тыс. служит центром предоставления услуг для сельской местности [Гуныко, Глезер, 2015]. Однако сильнее всего влияние на ее развитие оказывают большие города, особенно столицы регионов. Пригородно-периферийные различия для Центральной России служат ключевым параметром организации сельской местности [Июффе, Нефедова, 2001]. Вокруг Московской области эта закономерность проявляется особенно ярко (рис. 4). Здесь различие плотности сельского населения между пригородами региональных столиц и окраинами регионов даже в староосвоенной части достигает 5–10 раз. Муниципальные

районы, непосредственно примыкающие к столицам, продолжают притягивать сельское население, особенно молодое [Мкртчян, 2019]. И даже с учетом дальнейшего оттока части его в города население пригородов не уменьшается (рис. 5). Иное дело – муниципальные районы – соседи региональных столиц второго порядка – полупригороды, где возрастает доля мелких сельских населенных пунктов. Эти районы потеряли с 1990 г. 107 тыс. чел. Соседи третьего порядка – полупериферия – лишились уже 240 тыс. А периферийные районы, по существу, внутренняя периферия между большими городами, – 435 тыс. жителей.

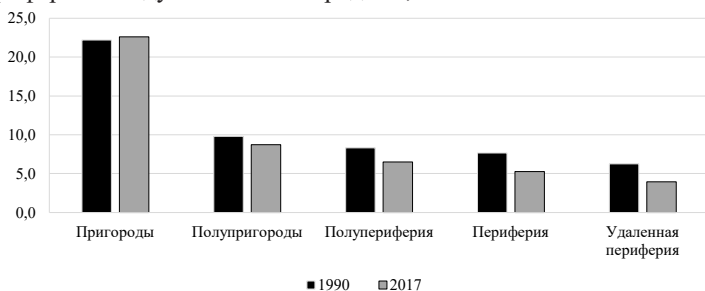

Рис. 4. Динамика плотности сельского населения от пригородов региональных центров к периферии в среднем в регионах, окружающих Московскую область, в 1990 и 2017 гг., чел./км²

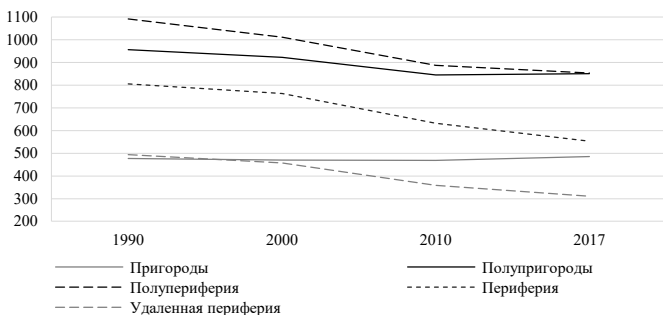

Рис. 5. Динамика численности сельского населения с 1990 по 2017 гг. от пригородов региональных центров к периферии в среднем внутри регионов, окружающих Московскую область, тыс. чел.

Таким образом, о положительной динамике населения и устойчивости сети расселения можно говорить только применительно к 5–10% рассматриваемой территории, в то время как обширные сельские пространства (свыше 400 тыс. км²) оказываются вне сферы влияния больших городов и продолжают катастрофически терять население.

Длительный отъезд наиболее молодой и активной части населения привел на этих территориях к демографическому перекосу в сторону старших возрастов и повышенной смертности, что способствует дальнейшим разрушительным процессам в системе расселения при повышенной естественной убыли и значительном преобладании женщин над мужчинами в пожилом возрасте.

Существенное влияние на миграционные процессы оказывает инфраструктурная необустроенность сельской местности. Проведенная в 2016 г. сельскохозяйственная перепись выявила, что в большинстве рассматриваемых регионов менее половины сельских домохозяйств подключены к сетям газо- и водоснабжения, тем более, к Интернету, что очень значимо для молодого поколения (табл. 2). При этом самыми запущенными остаются староосвоенные периферийные районы с мелкодисперсным расселением к северо-западу и северо-востоку от Московской области.

Таблица 2. Инфраструктурная обустроенность сельских домохозяйств в некоторых регионах в окружении Московской области и расположенных на Юге России

Область	Подключение к сетям, % от числа домохозяйств			
	газоснабжения	водоснабжения	мобильной связи	Интернета
Владимирская	32	31	66	7
Калужская	34	29	64	8
Костромская	16	38	63	18
Рязанская	57	50	70	10
Тверская	16	19	58	8
Тульская	60	63	75	12
Ярославская	17	19	67	7
Для сравнения:				
Белгородская	91	62	85	22
Воронежская	61	38	73	16
Краснодарский край	66	74	80	24

Источник: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России». 2017. 1111 с.

В этих регионах от 30 до 40% сел не имеют связи с районным центром или автомагистралями по дорогам с твердым покрытием. Плотность автодорог уменьшается на европейской территории России с юга на север и от пригородов к периферии и тесно связана с особенностями расселения. В Центральном федеральном округе за пределами Московской области она составляет 200–300 км на 10 тыс. км², при средней плотности в европейских странах более 1000 км. Даже вблизи Московской области большие территории оказываются за пределами пятикилометровой доступности от дорог с твердым покрытием.

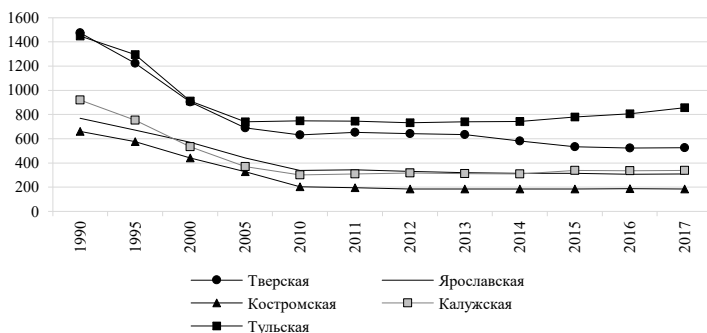
В условиях столь сильной поляризации пространства в этих регионах институциональные изменения оказывают существенное влияние на развитие сельской местности. Несмотря на прекращение советской государственной поддержки сельхозпредприятий, социальная инфраструктура сел (школы, фельдшерско-акушерские пункты, дома культуры и библиотеки, почта) продолжала финансироваться государством. Однако необходимость обеспечивать определенный уровень услуг вошла в противоречие с эффективным использованием ресурсов [Стародубровская, 2014]. В результате объединения сельских поселений или включения их в городские округа многие социальные учреждения закрылись. При увеличившемся до 20–30 км расстоянии до новых центров поселений, недостаточной дорожной инфраструктуре, отсутствии общественного транспорта это привело к значительному ухудшению доступности социальных сфер, включая скорую помощь, и усилению оттока из небольших деревень, как семей с детьми, так и пожилых людей. Это также усилило поляризацию сельской местности. И хотя ее проблемам в последнее время уделяется внимание², оптимальный путь для таких территорий так и не был найден.

Новое лицо сельского хозяйства

Рыночные условия по-разному отразились на сельхозпредприятиях и привели в одних случаях к закрытию слабых хозяйств, в советские годы сидевших на государственных дотациях, а в других – к модернизации дееспособных предприятий и по-

² Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство сельского хозяйства РФ. М.: ФГБНУ Росинформаротех, 2015. 76 с.

явлению новых эффективных производителей. Общий подъем отрасли в 2000-х гг. после кризиса 1990-х гг. проходил на фоне «сдвига» сельскохозяйственного производства в южные районы, лучше обеспеченные природными и трудовыми ресурсами, поляризации производителей и всего сельского пространства страны [Нефедова, 2017]. Практически все регионы вокруг Московской агломерации пережили в постсоветские годы тяжелый кризис. Однако к югу от Московской области, особенно в зоне, переходной к лесостепи с более благоприятными для сельского хозяйства почвами, в 2000-х годах произошла стабилизация землепользования в результате частичного восстановления растениеводства. В других исследуемых областях этого не наблюдалось (рис. 6). Общие потери посевных площадей в этих районах составили 6,5 млн га. Тем не менее относительная близость к Москве с ее огромным рынком способствовала существенной трансформации сельского хозяйства в этих регионах и очаговому развитию в них животноводства на совершенно новой технологической основе благодаря агрохолдингам (рис. 7).

Источник рис. 6 и 7: Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат. 2001, 2018.

Рис. 6. Динамика посевных площадей в 1990–2017 гг. в некоторых регионах ЦФО, окружающих Московскую область, тыс. га

Концентрация производства в крупных сельскохозяйственных организациях характерна для большинства регионов России 2000-х гг. [Барсукова, 2016; Шагайда, Узун, 2019]. Расширение производства зерна на юге страны стимулировало развитие

свиноводства и птицеводства вблизи крупных городов. Это дало мощный импульс формированию агрохолдингов. В отличие от западных стран, где крупные холдинги в основном вырастают из объединения фермеров и работают с небольшими хозяйствами, в России они формировались «сверху» – от пищевых предприятий, финансовых, государственных структур³.

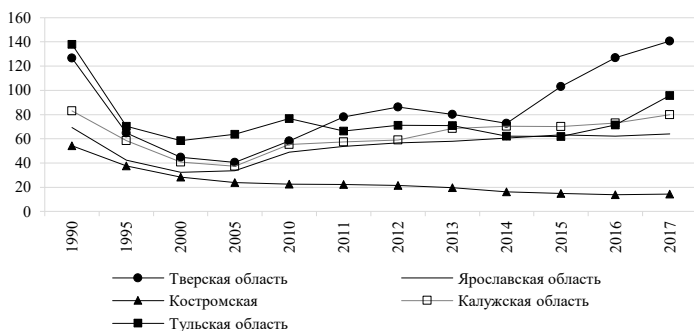

Рис. 7. Динамика производства скота и птицы на убой в 1990–2017 гг. в некоторых регионах ЦФО, окружающей Московскую область, тыс. т

В Московской области и вокруг нее появилось целое «ожерелье» крупных холдингов или подразделений столичных пищевых предприятий. Это способствовало частичному восстановлению производства мяса (рис. 7) и молока. При этом технологии сильно изменились. За исключением пастбищного выпаса скота в Брянской области, крупный рогатый скот молочного направления с обновленным поголовьем продуктивных пород обычно беспривязно содержится в закрытых помещениях. Свиноводческие и птицеводческие комплексы также превратились в индустриальные предприятия. Благодаря лучшему техническому оснащению произошло повышение их производительности, увеличилась продуктивность скота. При этом территориальное разделение труда в рамках единой вертикально интегрированной структуры

³ По оценкам, агропромышленные холдинги в 2016 г. давали около половины сельхозпродукции (Шагайда, Узун, 2019) сельхозорганизаций, остальное производится на средних, малых и микропредприятиях, хотя статистика сельского хозяйства не отражает реальную картину распространения и роли агропромышленных компаний. Она оперирует показателями низовых звеньев – сельхозорганизаций – в разрезе регионов без привязки к компаниям, в то время как реальное функционирование осуществляется по вертикальным структурам, принадлежащим крупным собственникам.

агрохолдинга дает возможность выращивать корма в своих же подразделениях в южных регионах. Менее продуктивные земли в окружении Московской области они не спешат возвращать в оборот для выращивания кормов. В результате современные ландшафты этих регионов с зарастающими полями и отсутствием пасущегося скота производят обманчивое впечатление полного запустения. Хотя на самом деле все не так. Просто сельхозпроизводство стало индустриальным и сосредоточено в помещениях за высокими заборами. Привычное сельское хозяйство с распаханными полями можно увидеть лишь на южных окраинах Тульской, Рязанской областей в районах лесостепной зоны с благоприятными условиями для растениеводства.

Восстановление сельского хозяйства в новом облике происходит весьма неравномерно. Холдинги и другие модернизированные сельскохозяйственные предприятия располагают свои мощности ближе к городам, где есть трудовые ресурсы, транспортная сеть, рынки сбыта. Поэтому они успешно работают и в Московской области, и даже на территории Новой Москвы. Именно это позволяет Московской области при ее земельном дефиците оставаться самым мощным сельскохозяйственным производителем в Центральном нечерноземье (см. табл. 1).

Пригородно-периферийная организация не только расселения, но и экономики нечерноземной сельской местности, сложилась еще в советское время, когда при всех попытках выравнивания самыми успешными были именно пригородные колхозы и совхозы, и воспроизводится на новом витке в принципиально иных институциональных и экономических условиях. Это свидетельствует о неких инвариантах организации российского пространства, которые необходимо учитывать.

При повышенной роли крупных предприятий, и небольшой – малого аграрного бизнеса, хозяйства населения в рассматриваемых районах ограничиваются, в основном, производством овощей и картофеля для самообеспечения. Пониженная активность населения в частном сельском хозяйстве вокруг Московской агломерации особенно заметна по сравнению с соседними черноземными регионами и даже со среднероссийскими показателями (табл. 3).

В последние годы свертывание личных хозяйств продолжается, что, помимо общих для страны неблагоприятных институциональных условий, связано с отъездом молодежи, старением

населения и в целом с сильным истощением трудового потенциала в сельской местности Нечерноземья. Но есть и еще одна причина – у населения рядом с Москвой появились новые возможности заработка вне сельского хозяйства.

Таблица 3. Роль сельскохозяйственных организаций (СО) и фермеров в производстве мяса, количество и динамика скота в хозяйствах населения (ХН) на 100 жителей старше 15 лет в 2016 г., 2017 г.

Область	Доля в производстве скота и птицы на убой в 2017, %		КРС в ХН на 100 жителей	Свиньи в ХН на 100 жителей	Динамика КРС в ХН
	СО	Фермеры	2016	2016	2016, % к 2005
Владимирская	91	3	3	1	33
Калужская	85	6	5	4	54
Костромская	70	2	5	3	30
Рязанская	81	1	7	4	43
Тверская	96	1	8	1	42
Тульская	84	1	6	4	52
Ярославская	86	3	7	2	33
Для сравнения:					
Воронежская	81	1	19	6	94
Курская	94	6	15	11	49
Тамбовская	92	7	16	16	46
Россия в целом	78	3	27	11	83

Источник: Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат. 2017, 2018.

Трудовые миграции как способ адаптации населения

Помимо отъезда на постоянное жительство в города или пригороды, сельское население видит выход в расширении отхожих промыслов, особенно в условиях близости к московскому рынку труда. В 1990-х годах в связи с безработицей в сельской местности, малых и средних городах или резким снижением там оплаты труда, население исследуемых регионов устремилось на заработки в крупные города охранниками, строителями, плотниками, продавцами, прислужкой, водителями, медработниками и т.д. И если для Московской области и прилегающих к ней муниципальных районов характерна в основном маятниковая миграция, – ежедневная либо в режиме сутки при трех дома,

то на большей части исследуемой территории распространено отходничество в режиме неделя/две недели на работе и столько же дома, то есть фактически жизнь на два дома. Несмотря на усиливающееся внимание к трудовой возвратной мобильности российского населения [Великий, 2010; Между домом..., 2016; Плюснин и др., 2013; Флоринская и др., 2015], изучение современных отходников затруднено отсутствием их официального учёта статистическими службами.

В областях, окружающих Московскую агломерацию, межрегиональные трудовые миграции составляют от 7% до четверти сельского населения регионов в трудоспособном возрасте, а в муниципальных районах, смежных с Московской областью, – до половины. В регионах с повышенной долей отходников с трудом удается заполнять вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве [Между домом..., 2016. С. 162–173].

Большая часть отходников (свыше 90% из Тульской области, 75% из Тверской, 50% из относительно удаленной Костромской области) работают в Московской агломерации. Так, для почти 80 тыс. работников Тульской области (особенно из муниципальных районов, расположенных к северу от Тулы) Московская агломерация стала гораздо более мощным аттрактором, чем региональный центр. В ряд поселений Заокского, Алексинского районов с предприятий юга Московской области за работниками приходят специальные корпоративные автобусы.

По данным опросов населения по проблемам занятости в 2013–2014 гг., примыкающие к столичному региону области давали 32% всех отходников, работающих в Москве и Московской области. Все остальные регионы Нечерноземья – 12%. Еще 54% отходников приезжали из Поволжья и из регионов Юга России.

Дачники за пределами Московской области

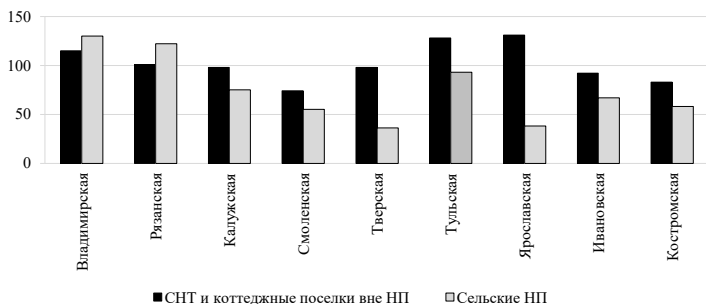
Несмотря на отъезд населения в города и возрождение отходничества, сельская местность окружающих Московскую агломерацию регионов пустеет только зимой. Летняя миграция жителей городов на дачи и жизнь между городом и деревней – явление для России типичное и довольно массовое. Специфика поздне- и постсоветских дач состоит в том, что их разнообразие удовлетворяет самые разные вкусы городских жителей и учиты-

вает их разный достаток. Поэтому понятие «дача» объединяет в России самые разные виды вторых домов горожан в сельской местности – от щитовых домиков в садоводческих обществах и старых деревянных изб в удаленных деревнях до шикарных каменных коттеджей в пригородах и курортных районах.

Хотя дачи вокруг Москвы и Петербурга были популярны и в XIX веке, массовая раздача земли под частные дачи, особенно коллективные сады и огороды, характерна для послевоенных лет и для середины 1970–1980-х гг. Во многом это было связано с обострением продовольственной проблемы в стране. В постсоветские годы теснота московских пригородов способствовала экспансии садоводческих товариществ за пределы Московской области. Москвичи либо получали участки в соседних регионах на удалении 150–250 км от столицы, либо перекупали их у местных жителей. Теснота садовых товариществ заставила горожан обратить внимание и на более удаленную сельскую местность, где в результате депопуляции было много пустующих домов. С начала 1980-х годов началась волна приобретения деревенских домов на расстоянии до 500–600 км от Москвы, не завершившаяся до сих пор. К ним добавились многочисленные «родовые гнезда» новых горожан, которые после смерти старшего поколения используются как дачи. И, наконец, новые финансовые возможности 1990-х годов способствовали появлению благоустроенных коттеджей в рекреационных районах вокруг столичной агломерации: на берегах Волги, Оки, у заповедников и т.п.

Изучение российских дач проводилось и в советское время [Веденин и др., 1976], но значительно активизировалось в 2000-х гг. [Аверкиева, Нефедова, 2016; Трейвиш, 2018 и др.]. Наиболее удобны для изучения садоводческие и дачные товарищества (СНТ и ДНТ), данные о которых регулярно публикуются, например, в сельскохозяйственных переписях. Концентрируясь вокруг Московской области, они формируют особый сельско-городской тип расселения, не отражаемый ни в статистике, ни на картах. В рассматриваемых регионах число дачных хозяйств горожан в садовых и дачных товариществах превышает число домохозяйств сельских жителей в 1,5–3 раза. А число участков в среднем дачном поселке, как

правило, больше, чем среднее число домохозяйств в сёлах и деревнях (рис. 8).

Источник. Рассчитано по материалам Росстата и данным А.А. Медведева, полученным при дешифрировании космических снимков [Между домом..., С. 364].

Рис. 8. Сравнение средней численности населения в летний сезон в дачных, садовых товариществах и коттеджных поселках вне населенных пунктов (НП) со средней численностью зарегистрированного населения в сельских населенных пунктах в регионах вокруг Московской области

Садовые товарищества, кроме формирования «невидимой» на картах сети сезонного расселения и общего оживления сельской местности, оказывают на нее заметное влияние. При них открываются магазины и другие предприятия сферы обслуживания. У местного сельского населения появляется работа, связанная с ремонтом дачных домов, уходом за ними, сбором грибов и ягод на продажу. Дачники покупают у жителей овощи, молоко, творог, что стимулируют сохранение личных подсобных хозяйств.

Исследования в Костромской, Тверской, Тульской областях выявили, что число горожан-дачников, купивших дома в небольших деревнях в летний сезон, может значительно превышать численность сельских жителей [Аверкиева, Нефедова, 2016; Между домом..., 2016; Потенциал..., 2014]. Фактически многие малые деревни продолжают существовать только благодаря дачникам. Последние таким образом выполняют очень важную функцию, сохраняя сложившуюся сеть расселения и освоенность территории. Опросы дачников свидетельствуют, что горожане также обеспечивают занятость части местного населения,

поддерживают налогами местные бюджеты и в целом создают новую социальную среду, способствующую задержанию части молодёжи в деревне.

Процесс покупки горожанами вторых домов для сезонного проживания продолжается, хотя опросы показывают, что к переезду в деревню на постоянное место жительства готово лишь незначительное число из них.

Заключение

Москва, оставаясь абсолютным экономическим лидером страны, влияет на организацию жизни на значительном расстоянии за пределами Московской области. Притягивая финансы, инвестиции, население, Московская агломерация опустошает окружающие сельские территории. Несмотря на то, что наибольшие потери населения произошли там еще в советское время, сильный отрыв Московской агломерации по возможностям трудоустройства, величине доходов, социальной защиты, уровню жизни до сих пор стимулирует продолжение миграции. Отъезд молодого и наиболее активного населения из сельской местности подрывает ее трудовой потенциал. Конкурентами Московской агломерации, хотя и более слабыми, являются столицы окружающих областей и их ближайшие пригороды, которые также привлекают жителей глубинки. Это имеет не только демографические последствия, но и ведет к снижению конкурентоспособности периферийных районов, их экономической и управленческой зависимости, оторванности от глобальных процессов и арханизации. Пригородно-периферийная организация с сильными социально-экономическими контрастами и в советское время, и сейчас служит инвариантом развития сельской местности Нечерноземья, с которым нельзя не считаться. При сильной поляризации пространства черты периферии появляются даже на относительно небольшом удалении от центров.

Социально-экономические привилегии жизни в Московской агломерации и в столицах регионов не только пролонгируют урбанизацию, но и ограничивают дезурбанизацию ее жителей, в том числе пожилых, которые даже при желании жить в более спокойной и экологически чистой среде, в современных экономических условиях не могут себе этого позволить. Выходом для жителей Москвы и городов Московской области стало

приобретение второго сезонного жилья, концентрация которого велика не только в Московской области, но и в окружающих ее регионах. Это в определенной мере поддерживает сельскую экономику и стало спасением сельской местности от тотального опустынивания.

В постсоветский период усилилась экономическая поляризация не только по линии город-село, но и между разными сельскими районами. При общем для России отраслевом «сдвиге» сельского хозяйства, особенно растениеводства, в южные регионы, вокруг Москвы формируется новая «точечная» индустриальная сельская экономика в виде крупных предприятий и агрохолдингов, нацеленная на снабжение столичного рынка, которая сочетается с большими площадями заброшенных в этих регионах земель. Расширение иных видов использования земель в связи с увеличением числа дачников в окружающих Москву регионах несколько сглаживает экономические контрасты, стимулируя неформальную экономику в местах концентрации дач. Однако сильное истощение трудового потенциала и специфика институциональных условий не способствуют расширению здесь небольших частных сельских хозяйств.

Увеличение доли не занятого в месте проживания населения связано с закрытием многих сельхозпредприятий и переходом к точечному индустриальному сельскому хозяйству, требующему гораздо меньше рабочих рук. Вместе с пониженными по сравнению с Московской агломерацией заработными платами, особенно в сельском хозяйстве и бюджетных отраслях, это привело к всплеску возвратных трудовых миграций населения в Москву и Московскую область. Развитая транспортная сеть и гибкость расписания электричек и автобусов способствуют усилению трудовой мобильности граждан.

Если трудовые миграции и отходничество служат, в определенной мере, адаптационным механизмом для населения в условиях дефицита хороших рабочих мест, то волны дачной сезонной миграции со строительством новых или восстановлением старых деревенских домов формируют не только новую сеть расселения, но и новые свойства и функции соответствующих территорий. При этом социально-экономическая роль дачной рекреации в поддержке и развитии депопулирующих районов, в отличие от туризма, недооценивается федеральными

и региональными властями, хотя для ее расширения имеется достаточно заброшенных домов и сельскохозяйственных земель. «Оптимизация» социальной инфраструктуры в мелконаселенных регионах, примыкающих к Московской области, становится разрушительной не только для местной сельской жизни, но и снижает привлекательность территории для дачников. А сильная централизация бюджетной политики лишает местные власти возможностей более гибкой адаптации к изменению векторов социально-экономического развития сельской местности.

Литература

Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.

Алексеев А. И., Сафронов С. Г. Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. геогр. 2015. № 2. С. 66–76.

Барсукова С. Ю. Дилемма «фермеры – агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 63–74.

Браде И., Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. 2013. № 2. С. 19–29.

Веденин Ю. А., Панчук С. И., Филиппович Л. С., Юдина Е. Г. Формирование дачных поселков и садовых кооперативов на территории Московской агломерации // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1976. № 3. С. 72–79.

Великий П. П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. № 9. 2010. С. 44–49.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского/ Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. М.: О.Г.И., 2001. 558 с.

Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск. 2013.

Гулько М. С., Глезер О. Б. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 64–76.

Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6. С. 100–110.

Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Поляризация пространства Центрально-российского мегалополиса и мобильность населения // Вестник МГУ. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 77–85.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России/ Под ред. Нефедовой Т. Г., Аверкиевой К. В., Махровой А. Г. М.: Новый Хронограф. 2016. 504 с. URL: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>

Мкртчян Н. В. Миграции в сельской местности России: территориальные различия // Население и экономика. 2019. № 1 (в печати).

Нефедова Т.Г. Двадцать пять лет постсоветскому сельскому хозяйству России: географические тенденции и противоречия // Известия РАН. Сер. геогр. 2017. № 5. С. 7–18.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 374 с.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта/Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос. 2014. 495 с.

Стародубровская И.В. Социальная политика на периферийных территориях. Актуальные проблемы. Научные доклады РАНХиГС. № 3. М.: Издат. дом «Дело». 2014. 108 с.

Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22–32.

Трейвиш А.И. Мобильность населения и территориальных структур общества: сравнения, связи, сочетания // Региональные исследования. № 2. 2018. С. 4–12.

Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда / Ин-т социального анализа и прогнозирования. РАНХиГС. М.: Издат. дом «Дело», 2015. 106 с.

Что мы знаем о современных российских пригородах? /Под ред. А.С. Бреславского. Улан-Уде: Из-во Бурятского научного центра СО РАН. 2017. 218 с.

Шагайда Н.И., Узун В.Я. Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. Научные доклады РАНХиГС. № 4 (19). М.: Издат. дом «Дело». 2019. 96 с.

Confronting Suburbanization. Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe| Ed. K. Stanilov and L. Sykora. Oxford. Willey-Blackwell. 2014. 333 с.

Статья поступила 01.03.2019.

Для цитирования: *Нефедова Т.Г.* Сельская местность на удаленных подступах к Москве // ЭКО. 2019. № 4. С. 50-70.

Summary

Nefedova, T. G., Doctor of Geographical Sciences, Institute of Geography RAS, Moscow

The Countryside in the Remote Outskirts of Moscow

Abstract. The article deals with the impact of the Moscow agglomeration on the rural areas of the surrounding regions of the Central Federal district by various parameters related to spatial disparities in population change, economic activity, employment and mobility of the population, land use and secondary suburban development. The settlement patterns around the Moscow agglomeration and its change due to the ongoing urbanization are analyzed. The invariance of the suburban-peripheral organization of this territory is shown. The post-Soviet transformation of agriculture in Russia has led not only to shrinking land use around the Moscow agglomeration, but also to selective local developments of industrialized agriculture with a small number of employees, aimed at supplying Moscow and other large cities.

At the same time, small-scale private economy with the depletion of labor potential, on the one hand, and the possibility of earnings outside agriculture, on the other, collapses. One of the adaptation options of the local population to unemployment in rural areas was regular labor migration to the Moscow agglomeration, which still retains the population in villages. In summer, the regions around Moscow Oblast are filled with urban residents, whose number in many areas exceeds the number of the local rural residents. The combination of the local industrial rural economy with mass development of seasonal second home recreation at this stage is the main way of development of rural areas in that large territory.

Key words: *Moscow agglomeration; rural settlement; agriculture; land use; suburbs; periphery; employment; labor migration; cottages*

References

- Averkiewa, K.V., Nefedova, T.G. (2016). *Dacha's colonization of the Russian hinterland. Example of Kostroma region. The Universe of Russia. Vol. 25.No. 1, Pp. 103–128.* (In Russ.).
- Alekseev, A.I., Safronov, S.G. (2015). The change of rural settlement in Russia at the end of XX-beginning of XXI century. *Vestnik of Moscow University. Seriya. 5: Geografy. No. 2. Pp. 66–76.* (In Russ.).
- Barsukova, S. Ju. (2016). The dilemma farmers–agroholdings under the import substitution. *Obschestvennyye Nauki i Sovremennost. No. 5.Pp. 63–74.* (In Russ.).
- Brade, I., Makhrova, A.G., Nefedova, T.G., Treivish A.I. (2013). The features of suburbanization in the Moscow agglomeration in the post-Soviet period. *Izvestija RAN. Serija Geografija. No. 2. Pp. 19–29.* (In Russ.).
- Vedenin, Yu.A., Panchuk, S.I., Fillipovich, L.C., Yudina, E.G. (1976). Formation of suburban settlements and garden cooperatives on the territory of the Moscow agglomeration. *Izvestija AN USSR. Serija Geografija. No. 3. Pp. 72–79.* (In Russ.).
- Velikii, P.P. (2010). Neotkhodnichestvo or extra people in modern village. *Sociological researches. No.9. Pp.44–49.* (In Russ.).
- A City and Village in European Russia: Hundred Years of Transformations.* (2001). Moscow: O.G.I. 558 p. (In Russ.).
- Grigoriev, K.V. (2013). *In the shadow of a big city: the social space of the suburbs.* Irkutsk. Print Publ. (In Russ.).
- Gunko, M.S., Glezer, O.B. (2015). Small regional centers and surrounding areas in Central Russia in 1970–2010: dynamics and distribution of population. *Izvestija RAN. Serija Geografija. No. 1. Pp. 64–76.* (In Russ.).
- Ioffe, G.V., Nefedova, T.G. (2001). Center and periphery in agriculture of the Russian regions. *Problems of forecasting. No 6. Pp. 100–110.* (In Russ.).
- Makhrova, A.G., Nefedova, T.G., & Treivish, A.I. (2016). Polarization of the Central Russian megalopolis space and population mobility. *Vestnik of Moscow University. Seriya 5: Geografy.No. 5. Pp. 77–85.* (In Russ.).
- Between Home and ... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia.* (2016). Eds. Nefedova, T.G., Averkiewa, K.V., and Makhrova, A.G., Moscow: Novyi Khronograf. 504 p. Available at: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf>. (In Russ.).
- Mkrtchan, N.V. (2019). Migration in rural areas of Russia: territorial differences. *Population and Economy. No. 1. (in print)* (In Russ.).

Nefedova, T.G. (2017). Twenty-five years of the post-Soviet agriculture in Russia: geographical trends and contradictions. *Izvestija RAN. Serija Geografija*. No.5. Pp. 7–18. (In Russ.).

Plyusnin, Yu.M., Zausaeva, Ya.D., Zhidkevich, N.N., Pozanenko, A.A. (2013). *Contemporary labor migrants*. Moscow: Novyi Khronograf Publ. 374 p. (In Russ.).

Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements. (2014). Eds. N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Moscow: Logos Publ. 495 p. (In Russ.).

Starodubrovskaya, I.V. (2014). *Social policy in the peripheral territories. Actual problem*. Nauchnye doklady of Russian Academy of national economy and public administration, No 3. Moscow. 108 p. (In Russ.).

Treivish, A.I. (2014). Dacha studies as the science on second homes in the West and in Russia. *Izvestija RAN. Serija Geografija*. No. 4. Pp. 22–32. (In Russ.).

Treivish, A.I.(2018). Mobility of the population and the territorial structures of the society: comparisons, relations, combinations. *Regional studies*. No 2. Pp. 4–12. (In Russ.).

Florinskaya, Yu.F., Mkrtychyan, N.V., Maleva, T.M., Kirillova, M.K. (2015). *Migration and Labor Market*. Scientific Report. Moscow: Delo Publ. 106 p. (In Russ.).

What do We Know about Russian Suburbs. (2017). Ulan-Ude: Buryat. Nauch. Tsentra, Sib. Otd., RAN. 218 p. (In Russ.).

Shagaida, N.I., Uzun, V. Ya.(2019). Drivers of growth and structural shifts in Russian agriculture. Scientific report. No. 4 (19). Moscow: Delo Publ. 96 p. (In Russ.).

Confronting Suburbanization. Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe.(2014). Ed. K. Stanilov and L. Sykora. Oxford. Willey-Blackwell. 333 p.

For citation: Nefedova, T.G. (2019). The Countryside in the Remote Outskirts of Moscow. *ECO*. No. 4. Pp. 50-70. (In Russ.).